

А. Н. Соболев
(Институт лингвистических исследований РАН)

ДИАЛЕКТНАЯ КОГЕРЕНТНОСТЬ РЕЧИ НА СЕРБСКОМ ТИМОКСКОМ ГОВОРЕ (на материале идиома села Петруша, община Княжевац)¹

В статье анализируется текст на восточносербском тимокском говоре, отражающий устную речь информантки 1908 г. р. из с. Петруша. Цель исследования — установление степени диалектной когерентности этой речи с учетом параметров ее микровариативности. Признаки «базового» тимокского говора рассмотрены на всех уровнях языковой структуры на фоне инодиалектных, в т. ч. стандартноязыковых членов диалектных различий, а также нейтральных черт. Распределение признаков по уровням структуры языка неравномерно: ударение — 194/72, фонетика и фонология — 177/52, морфология, морфонология и морфосинтаксис — 194/20, синтаксис — 61/0, лексика — 104/21. В тексте в 2294 словоформы выявлено 728 реализаций тимокских и 164 инодиалектных признаков, условно имеющих равный «вес». Вероятность встретить один «тимокский» признак приходится на 3,15 словоформы, тогда как на одной словоформе реализуется 0,32 признака. Отношение количества реализованных диалектных признаков к общему количеству словоформ текста на «базовом» тимокском говоре отражает диалектную когерентность текста. Признаки говора реализуются системно, достаточно полно, последовательно и пропорционально на всех языковых уровнях. В статье вырабатывается представление о критериях и параметрах эталонности диалектных текстов, выстраивается фундамент для сравнения образцов речи на иных формах бытования сербского языка в регионе на шкале диалектной когерентности, в т. ч. в будущем — с применением автоматических методов исследования. Прилагаются образцы текста в транскрипции МФА.

Ключевые слова: диалектный текст, диалектная когерентность речи, количественные методы в диалектологии, сербская диалектология, тимокский говор, идиом села

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ 18-512-76002 ЭРА а «Изучение дивергенции и конвергенции традиций Центральных Балкан: реализация и перцепция». Автор признателен Д. В. Конёру и анонимным рецензентам за ценные замечания, способствовавшие улучшению первоначального варианта статьи.

A. N. Sobolev
(Institute for Linguistic Studies, RAS)

**Dialect coherence of the speech production in Timok patoi of Serbian
(on the data from the Petruša idiom in Knjaževac municipality)**

The paper deals with a text in Timok patoi from Eastern Serbia, presenting oral speech production of a female informant born in 1908 in the village of Petruša. The research question is as follows: what is the degree of the dialect coherence of the text, taking into account the parameters of its microvariation. The features of the “base” Timok patoi (in German — Grundmundart) were analyzed at all levels of the language structure and contrasted to the non-Timok features of other dialects of Serbian, including the Standard Serbian. Some neutral features, which don't build any dialectal opposition, were also taken into account. The quantitative distribution of the Timok features versus non-Timok ones along the levels of the language structure is as follows: accent — 194/72 (ex., momk'a ~ m'omka ‘a guy’), phonetics and phonology — 177/52 (ex., v'lna ~ v'una ‘wool’), morphology, morphonology and morphosyntax — 194/20 (ex. ogleđ'ane ‘matchmaker’ ~ svir'atji ‘musicians’; p'ostar ‘older’ ~ ran'ije ‘earlier’), syntax — 61/0, lexicon — 104/20 (grsnit'ijfje ~ konopl'ijte ‘hemp field’). Among 2294 tokens of the text, 728 bear a Timok feature and 164 — a non-Timok one; the convention is, that the features have the same “weight”. The probability to encounter a Timok feature in the text makes up every 3,15 tokens; one token has henceforth 0,32 of a Timok feature. The ratio of the dialect features, which are actualized in the informant's speech production, to the whole amount of the tokens in the text, embodies the dialect coherence of the latter. The “base” dialect characteristics appear systematically, full enough, consequently and proportionally distributed over all levels of language structure. The paper works on criteria and parameters for the measurement standards, or etalons for texts in a dialect, creating a base for future comparison of doculects (texts reflecting speech production) in all existing forms of the Serbian language in the region. Advancement to machine analysis is possible in future. Text samples, transcribed in IPA, are attached.

Keywords: text in a dialect, dialect coherence of speech, quantitative methods in dialectology, dialects of Serbian, Timok idiom, idiom of a village.

Введение

Из перспективы языковой ситуации сегодняшнего дня (Ćirković 2018) не будет большим преувеличением утверждать, что в начале 1990-х гг. была задокументирована речь последних носителей восточносербского тимокского говора, владевших им в качестве L1 и полноценно им пользовавшихся как основным средством общения. За четверть века этот традиционный, «базовый» говор (ср. нем. Grundmundart) был вытеснен литературным сербским языком, а также совершенно еще не изученным региолектом Восточной Сербии, который в сербской лингвист-

тике иногда нетерминологически называют полудиалектом. Транскрибированные тексты на тимокском говоре, изданные в 1998 г., были источником материала для «Диалектологического атласа Восточной Сербии и Западной Болгарии» (ДАВСЗБ) (Sobolev 1998), но исчерпывающе не анализировались на предмет внутренней диалектной когерентности и всех деталей вариативности речи их авторов. Так же и другие опубликованные образцы традиционной речи Тимокского края и Восточной Сербии никогда не исследовались с этой точки зрения как самостоятельный объект, а оставались скорее иллюстрацией к наблюдениям диалектологов.

Таким образом, нам неизвестно, насколько полно и последовательно реализуются различительные признаки традиционного, «базового» говора в устной речи информантов, остенсивно определяемой специалистами в качестве диалектной. Решение этой проблемы для «базового» говора позволит получить представление о критериях и параметрах эталонности диалектных текстов и обрести фундамент для сравнения образцов речи на иных формах бытования сербского языка в регионе.

Цель статьи — установление степени диалектной когерентности речи на «базовом» восточносербском тимокском говоре с учетом параметров его микровариативности.

В теоретическом плане в статье предлагается отказаться от социолингвистического *подхода* к определению диалектной речи, свойственного диалектографии начального периода «первых открытий», как речи пожилых уроженков данной местности, в течение жизни не покидавших обследуемый населенный пункт и занимающихся традиционными для населенного пункта видами деятельности (ср.: Sobolev 2014). Этот подход заменен здесь собственно лингвистическим, при котором диалектной признается речь, в необходимой и достаточной степени обладающая хорошо известными и детально описанными в науке различительными признаками (см. о тимокском говоре: Belić 1905; Stanojević 1911; Dinić 2008). Носителем говора в нашем понимании является тот, кто системно, в необходимой и достаточной степени, реализует в своей спонтанной речи характеристики говора. При таком подходе можно избежать девальвации *понятия* «диалект» в ситуации перехода местных уроженцев женского пола на иные формы речи, отличные от традиционного, «базового» говора; точно так же можно избежать девальвации любого лингвонима в случае смены языка говорящими при сохранении неразрывно связанной с пред-

шествующим языком этнической идентичности. Абсурдно применение атрибута «диалектный» к спонтанной устной речи *de facto* на стандартной форме языка, как это практикуется в ряде работ по английской корпусной диалектологии (см.: Szmrecsanyi, Anderwald 2018)².

В практическом плане у нас появятся основания для сравнения не абстрактных лингвистических единиц, таких как говор, группа говоров, диалект, диалектная группа, наречие и диалектный язык, представляемых в виде списков различительных диалектных признаков, а конкретных материальных речевых объектов — диалектных, региолектных и стандартноязыковых текстов (ср. англ. *doculect*), статус которых можно будет определить, располагая их на шкале диалектной когерентности. Предлагаемый подход, в частности, позволит «измерить» импрессионистические оценки «хороший носитель диалекта» и «хороший диалектный текст». В дополнение к недавней работе (Konior, Makarova, Sobolev 2019), где был предложен метод лингвистического профилирования информанта, в настоящей статье будет установлено отношение количества реализованных диалектных признаков к общему количеству словоформ текста на «базовом» тимокском говоре. При этом будут приняты во внимание те обстоятельства, что на одной словоформе может реализовываться от 0 до нескольких диалектных признаков, а сами признаки могут реализовываться как на каждой словоформе, так и ни на одной из словоформ текста. Такие итоговые показатели, по нашему мнению, прямо отразят диалектную когерентность текста. При этом возможны показатели в диапазоне от 0 до N (количества всех словоформ текста, умноженного на количество всех рассматриваемых признаков в той невероятной ситуации, в которой на каждой словоформе одновременно реализовывались бы все такие диалектные признаки). В будущем возможно сопоставление с другими текстами из с. Петруша, из Тимокского региона, а также с целым рядом устных текстов на диалектах Восточной Сербии, накопленных к сегодняшнему дню в сербской диалектологии и оцифрованных. При этом желательно совершить переход к автоматическим методам исследования, практикуемым в агрегационной диалектологии. Разумеется, данный подход затруднительно реали-

---

² Инфляционное употребление терминов *диалект* и *диалектный* помимо корпусной диалектологии имеет место и в антропологической лингвистике (этнолингвистике).

зовать в тех лингвистических традициях, которые не накопили достаточного количества филологически выверенных аутентичных «базовых» диалектных текстов.

Определение признака, свойственного «базовому» сербскому тимокскому говору, производится остенсивно: им считается член диалектного различия (Avanesov, Orlova 1965), противопоставленный праюжнославянскому состоянию и состоянию в иных сербских говорах и диалектах, включая сюда и стандартный сербский язык³.

В статье анализируется речь крестьянки Зорки Радованович, 1908 г. р., среди наших информантов самой пожилой уроженки и жительницы села Петруша (серб. диал. petr'ufa)⁴. В отличие от издания 1998 г., в котором использовалась дополненная транскрипция «Общеславянского лингвистического атласа» и «Карпатского диалектологического атласа», для целей настоящей работы диалектный текст был представлен в международном фонетическом алфавите; соответственно, все примеры, как и показательные фрагменты текста в Приложении, приводятся в МФА. В квадратные скобки заключены неясные фрагменты текста. В круглых скобках указано количество извлеченных автором вручную словоформ, на которых реализуется тот или иной диалектный признак. Курсивом выделены словоформы и их фрагменты, иллюстрирующие нужное явление; при противопоставлении форм курсивом выделяется диалектный член оппозиции.

Отражающий устную речь нашей информантки текст (2294 словоформы) не является единым и цельным монологом, а состоит из фрагментов интервью на различные темы, связанные с традиционной жизнью села. Реплики интервьюера, как и в издании 1998 г., опущены. В тексте имеется фольклорное включение, а также пересказ интервью, некогда данного информанткой на рынке в г. Заечар; эти незначительные по объему фрагменты отдельно не анализируются. Рефлексия З. Радованович о своем языке содержит атрибуты «старинный» (*'iža smo zv'ali starinsk'i*) и «сельский, крестьянский» говор (*v'lna, v'lna od*

³ Инодиалектные и стандартные сербские формы в статье не приводятся. В соответствии с традицией русской славистики, примеры не переводятся.

⁴ Речь второй информантки экспедиции 1995 г., а также речь информантов проводившихся в конце 2010-х гг. экспедиций Института балканистики Сербской академии наук и искусств планируется рассмотреть в следующих публикациях.

ov^ftse. pə 'eto tək'oj sel'atf̃t̃ci), противопоставленный стандартному сербскому языку и — «болгарскому», на котором говорят в одном из ближайших сел микрорегиона (i kor'ito, on'i m'alo b'ugarski vr'eve, m'alo zam'etu).

Характеристики устной спонтанной речи

Не являются диалектными следующие характеристики славянской устной речи как таковой: апокопы, элизии и синкопы (ne m'og; d'ide u v'odu; dvaest'ina; b'ez'te, t'olko), некоторые ассимиляции, палатализации и депалатализации (o^fsef̃emo, iza^femo; b'el'tse, ov'oltse^{kj}i, ts'rt̃se; k'on'tse), индивидуальные реализации безударных гласных (ʃik^jer'ək, ср. ʃek^jer, s'igere), «промежуточные реализации» звонких и глухих согласных (ov^fts'u, inter'esujez'), окказиональные межслоговые ассимиляции (slim'ili), свободная позиция атрибута ('imam dve 'ovtse nej'alone), бессоюзные глагольные построения (st'ara^{ts} mi 'uzne isef̃e), паратаксис в целевых конструкциях (pa 'idem pa stip'em dev'ojke), а также именительный темы (j'a sramot'a me). Эти характеристики в дальнейшем не рассматриваются.

Диалектные признаки «базового» тимокского говора

Представляемые ниже языковые признаки получают одну из трех характеристик:

«базовый» тимокский член диалектного различия, или тимокский диалектный признак;

инодиалектный член различия, или признак иного говора и/или сербского стандартного языка;

нейтральная черта, не отражающая диалектного различия.

Ударение

В самом строгом смысле, все ортотонические словоформы текста маркированы как диалектные, поскольку на них реализуется динамическое экспираторное, а не тоническое ударение. В настоящей статье в качестве диалектного признака будет рассматриваться не качество и количество, а лишь доретракционное место ударения. Из акцентологических характеристик несомненно «базовой» тимокской диалектной чертой является прежде всего окситонеза, примеров которой 118:

ast'al (3), ad'et, baf't'a, baf't'u, boz'itf̃ (3), də^ar'ak, de't'e, drv^fts'e (2), dzvezd'a, jajts'e, kol'atf̃ (2), mal'a, mlek'o (2), mom'ə^ak, muza^vet (искаж. muhabet), nog'a (2), ovts'a, ovtf̃ar (2), paskurn'ik,

post'av, rʒəʹn, siroʹfje, sob'or, sol'əʹk, tel'e, tr'lak (3), ven'əʹs, ven'əʹs (2), venʹf'itʃ, vist'an, vojn'ik; vrapʹs'i, deʹs'a; na vr'a, svij'u (2);

on'u, on'i, ov'əʹj, on'oj (5), moj'e, tvoj'e, koj'a, koj'i, kəʹkv'o, kolk'a;

tsrn'a, tsrn'o, vodn'i, golem'e, pleten'i;

nes'am, nesm'o, zarad'im, dad'em, stip'em, namlz'ef, dad'e (3), jed'e, pojed'e, zov'e se (7), opetʹe, isetʹe, izved'e se, sed'i (2), dones'u, doved'u, jed'u, krut'u, smej'u se, zov'u se (3), setʹu, lez'u, ij'al, pritʹek'al, dov'el, bil'i, mogl'i, prestip'e, ub'i, zamutʹi se, pokaz'i;

kud'e, ovd'e, ovd'ek, ot'ud, nat'am (2), nasr'ed, kad'a, starinsk'i.

Таков же перенос ударения на проклитику в случае *p'oplanin* (ср. нейтральные *n'a-ruŋce*, *n'e-znam*). Диалектным является смещение ударения на энклитику: *da l'i je 'istina*.

Акцентные колебания, в ряде случаев частотные, отмечены с соотношением (74 ~ 25) в лексемах *tomk'a* (4) ~ *m'omka* (2), *grad'ina* ~ *gr'adinu*, *sel'o* ~ *s'elo*, *sramot'a* ~ *sram'ota* (2); *moj'a* ~ *m'oja*, *on'aj* ~ *'onaj* (5), *dobr'o* ~ *d'obro*, *kak'o* (6) ~ *k'ako* (4); *bil'o* (10) ~ *b'ilo* (3), *im'alo* (3) ~ *'imalo se*, *bol'i* (3) ~ *b'oli*, *uv'atimo* ~ *'uvati se*; *pod'i* ~ *p'odi*. Очень стабильно ударение в вариативных формах *tək'oj* (3) ~ *təʹk'oj* (10) ~ *tək'o* (1) ~ *təʹk'o* (24) ~ *tak'o* (2) при единичном *t'ako* в пересказе речи для радиопередачи.

В сфере акцента особенно ярким инодиалектным (стандартноязыковым) признаком является ретракция ударения, представленная в тексте целым рядом частотных словоформ (47): *g'odina* (4), *g'odinu* (3), *g'odine* (1), *r'uŋjak* (4); *j'edno* (3), *'edno* (2), *j'ednoga*; *'ifla* (5), *d'oʃəʹl*, *d'oʃli* (3); *m'ogəʹl*; *s'ama* (3), а также *n'arod*, *tr'oitsa*, *f'ovek*, *f'ek'er*; *p'eŋfeno*; *m'oju*, *'ova*; *p'ituje*, *p'itaju*, *'uvati se*, *r'odi*; *k'oje*; *g'otovo*. Несвойственные говору акцентные черты встречаются и в пересказе чужой речи: *a k'azu da je b'ilo s'elo n'egde g'ore u pl'aninu*.

Тимокских членов акцентологических различий — 194, инодиалектных — 72.

Фонетика и фонология

В тимокской области лексикализовано произношение *sel'o*. В говоре лексикализован результат межслоговой ассимиляции в *fuʹila*, *of'uʹimo*, *fuʹfen'itʃe* при единичном *is'uʹimo*.

В говоре системна редукция безударных гласных *ə* и *a* (например *dəʹr'ujemo se*, *təʹvrəʹn'ak*, *rʒəʹn*).

Диалектный признак — рефлекс прасл. *ъ, *ь и вторичных редуцированных под ударением b'ədɲak (2; при b'a^oɲak); d'ən (2, напр. m'etʃk'in d'ən); d'a^an (7); m'əne (при m'ani); m'ənətʃko; m'ənətʃsko; s'ək (4), s'a^aga (4; при s'ad / s'at); ov'a^aj; də^an'a^as, də^an'a^aska; nə^atʃ'a^aska; kup'a^atʃko, ʃik^jer'ək, ven'a^atʃ, ven'a^atʃ; l'əzu, l'a^aze, rʒ'a^an; mom'a^ak, sol'a^ak; nes'am (2), iʃəl (2). В безударной позиции соответствующие рефлекс диалектны в j'edə^an (3), st'alə^an, d'oʃəl и d'oʃə^al, sv'ekə^ar, v'etə^ar, а также в лексикализованных формах sob'or, sob'aru (искаж. sob'eru), osomd'ezet (2; ср. 'osam) где *ъ и вторичный редуцированный соответственно > o.

Не свойственны тимокскому говору рефлекс *ъ и *ь под ударением 'a (d'ana, m'ani, tə^avɲə^an'ak; s'ad / s'at) и 'a^o (b'a^oɲak, d'a^on, d'a^ona, op'a^on'tsi, ven'a^otʃ, maz'a^ok), а также b'a^oʃ. Из стандартного сербского языка в говор проникла форма g'utʃak.

Лексикализован особый диалектный рефлекс ятя в o'esi.

Для говора характерно отсутствие ограничений в дистрибуции слогообразующего ʒ в анлауте, ауслауте и в соседстве с гласным: rʒ'a^an, v'r, на v'r'a, t'ru.

Ярким признаком «базового» говора является такая единица фонологического инвентаря, как слогообразующее l, которое реализуется после губных, зубных и заднеязычных согласных: m'l'z'emo, izm'l'z'emo, nam'l'z'ej; v'l'na (2); st'l'tʃ'emo; k'l'tʃ'ina. При этом такое произношение характеризуется информанткой как «сельское, крестьянское» (v'l'na, v'l'na od 'ov'tʃe. pə 'eto tə^ak'oj sel'a^atʃ'i). В позиции после губных, однако, гораздо частотнее u < *l: b'ugarsk'i, j'abu^{tʃ}ki'e, p'uno, v'unu, что, как и форма duz'ina, можно признать импортом из стандартного языка. Диалектными являются формы, отражающие древние чередования *l ~ *l'a: izvl'a^atʃimo, vl'a^atʃe, vlatʃ'ili; preml'azujemo.

Гласный o в позиции после палатального сонанта в od'avnaʃno — характеристика говора, но ср. n'aʃe.

Рефлекс прасл. *tj, *kti в большинстве своем диалектные: sv'et'cu, t'cerka, v'o^{tʃ}ki'e; ventʃ'itʃ, p'ilitʃ'i; tʃu, tʃe (2), 'o^{tʃ}femo se, 'o^{tʃ}f'e (2), 'o^{tʃ}fes, n'etʃ'emo, platʃ'ali, pov'rʃ'u se; s'etʃ'amo (se); при этом лексикализованы формы говора bas't'a, bas't'u. Исключениями являются k'u^{tʃ}u (важно, что собственно диалектным обозначением дома является 'iza) и voz'itʃ.

Диалектный рефлекс прасл. *dj отмечен в ogle^{dʒ}'are; ср. dʒ'urdʒovdə^an.

«Базовому» говору свойственна группа -jd-, которая сохраняется во всех примерах без исключения: d'ojdem, d'ojdeŋ, d'ojdemo, d'ojdu, d'ojde (3), n'ajdem, p'ojdu (2).

Диалектным является сохранение группы губной + j: gr'obje, но ср. конопль iŋste (при тимокском названии конопли gr'snitŋe, а конопляного поля gr'snitŋ'ijŋe).

Т. наз. новая йотация дентальных согласных реализована (tŋsv'eŋ^{kj}e; tr'eŋ'eg) и не представляет собой дифференциальной диалектной черты.

Палатализации k и g перед гласными переднего ряда не имеют исключений, групп *ki, *gi, *ge в речи нет: b'ugarsk'i, k'ip'elu, k'itk'e, m'eŋk'in, n'ek'i, ov'oltŋ^{kj}i, sk'ine, sel'atŋŋi; v'otŋ^{ŋc}k'e, kr'uŋk'e, m'utŋe, ŋik'er'ak; b'eŋŋe, j'abutŋ^{kj}e, tŋrŋŋe, n'a-ruŋŋe, v'otŋŋe; dr'ug'i; после палатальных сонантов dev'ojŋutu (1; при dev'ojku (7)); koŋulŋu, meŋ'alŋa, ov'oltŋ^{kj}i; sed'eŋŋu, sed'eŋŋ^{kj}a. В форме dev'ojke (4) и во фразеологизме b'oŋja m'ajka из фольклорного текста палатализация, однако, отсутствует.

Говору свойственна аффриката dŋ: dŋvezd'a.

В говоре полностью осуществлена утрата заднеязычного h (22): 'ajt, al'inu, 'iza, lada^ov'ina, l'eba^otŋ (2), 'odim, dood'ila, 'otŋe (2), 'otŋeŋ, oteŋ'al- (3), r'anenu (k'olemo svij'u r'anenu), neŋ'anena; ma'a; ub'i; местоимения j'i, i; в т. ч. его субституция (k'ujna, k'ujniŋa).

Достаточно последовательна субституция согласного f: k'ovu, s'ovte, vist'an; при инодиалектном kaf'ana, kaf'anu.

Для говора характерен ряд изменений (resp. отсутствие изменений) в группах согласных:

-zm- > -zn-: 'uzne, 'uzneŋ;

sl-: sl'ive;

-sl- > -s-: p'ose (1) vs. p'osle (12);

-mn- > -ml-: ml'ogo (2) vs. mn'ogo (1);

-st > -s: ŋes, petn'aes, ŋesn'aes;

-hv- > -v-: 'uvati se, navat'ila sam se, uv'atimo; v'ŋlamo, v'ŋla;

-v- > -vr-: p'rvna ovts'a, ср. p'rvno (3).

Яркий тимокский признак в речи — сохранение финальнослогового l, не имеющее исключений прежде всего в формах причастия м. р. ед. ч.: b'il, dov'el, d'ofəl, im'al (2), iŋəl (2), pŋiŋek'al; ср. также tŋed'ilŋe.

Тимокских членов фонетических и фонологических различий — 177, инодиалектных — 52.

Морфология, морфонология и морфосинтаксис

Среди форм имен существительных следует признать диалектными б: мн. ч. м. р. *r'ozī*; мн. ч. м. р. *m'uzje*; мн. ч. м. р. *ogledž'ane*; мн. ч. м. р. *k'orene*; мн. ч. м. р. *r'utista*; мн. ч. ср. р. *r'ilif'i*. При отвлечении от характеристик ударения, инодиалектными являются формы мн. ч. существительных м. р. (8): *λ'udi*, *g'osti*; *d'arovi*, *v'etrovi*; *svir'atfi*; *jeks'eri*, *kol'atfi*, *pr'ozori*. Нейтральны формы, исходящие на -к и -с, например *or'a³n³si*, *sok'at³si*, *vrap³t³i*; таковы же архаичные формы *m'ati*, *m'ater*. Признаком говора является ср. р. plural tantum *kl'if'ina*.

Возможно, окказионально согласование имени существительного *fjar'ape* в м.р.: *j'a dad'em jim fjar'ape*, *pleten'i ov'ako od v'unu*, *n'e kup'at³fko*.

Важный системный признак говора — аналитизм именного словоизменения, очень последовательно реализованный в нашем тексте. Приведем все примеры аналитического выражения семантических ролей именами существительными (29):

семантическая роль «бенефициант», маркируемая в синтетических славянских языках дативом (1): *d'avamo 'edno dr'ugo na on'oga d'etfka*;

семантическая роль «посессор», маркируемая в синтетических славянских языках дативом, а балканских языках — синкретической формой генитива-датива (3): *baft'a na tomk'a*; *tə si r'ufju k'od na dev'ojku kod m'ater*; *t'i 'uznes'ovtse i m'oje i tv'oje i na on'og dr'ugog komf'iju*, *tr'et'eg*;

семантические роли «источник, материал, часть и проч.», маркируемая генитивом (5): *mlek'o od 'ovtse*; *pleten'i od v'unu*; *o d'rvo k'rs*; *ven'at³ o fsv'et³e*; *t'urimo od sl'amu pom'alko*;

семантическая роль «инструмент, средство, сопровождающий признак и проч.», маркируемая в синтетических славянских языках инструменталом (7): *sas jeks'eri ... sv'e to 'ornemo*; *m'etfka sas r'ozī ogu³ila d'uvar*; *s j'edno pr'ase i s 'ednu ov³t³u*; *por'arimo s k'ip'elu v'odu*; *də³r'ujemo se s d'arovi*; *pet 'ovtse s ml'eko*;

периферийная семантическая роль «место, цель перемещения и под.», маркируемая генитивом, дативом, инструменталом и локативом (13): *do glav'itfku*; *pr'eko r'eku*; *'okolo k'ozu*; *t'urimo kod 'ovtse*, *t'urimo kot kr'ave*, *t'urimo kod sv'ipe*; *v'rla po 'onaj n'arod'*; *n'osimo po v'otf³e*; *'ima k'rs pod v'enik*; *k'upe u dut³an*; *'ima u s'ito v'una*; *ov'ak u f'aku*; *opetf'emo na r'z'ə³j*.

Несомненно диалектными являются такие члены различия, как петрифицированные падежные формы (5): *p'o-planin* (ген.), на *vr'a* (ген.?), *kn'ofji* (дат.), *j'utrom* (инстр.), *v'etferom* (инстр.). Напротив, в цитируемой информанткой в фольклорном тексте (*zamufji se b'ozja m'ajka od ign'eta do boz'itŕ^{kj}a*) и в цитате из официального кадастра (*osomd'eset 'ara*) представлены падежные формы, для тимокского говора нехарактерные.

Говору свойственны количественные конструкции аппозитивного типа (5): *pet 'ovtse s ml'eko*, *deset'ina br'avi 'ovtse*; *k'ovu s'irepe*; *fusen'itse m'eso*; *k'itk'e tsv'etŕ^{kj}e*; ср. *kolk'a ti je nog'a duz'ina*. Отмечен паукал *tri d'ana*, *t'olko d'ana*, *pe-d'ana*.

Примеры аналитического выражения семантических ролей местоимениями (3):

«бенефициант»: *on'i na m'en k'upe*;

«инструмент и под.»: *kv'o su pra'ili n'e-znam s t'oj*; *p'a se p'ivo s j'i obl'azimo*.

Такой диалектный признак, как определенный артикль отмечен очень редко, лишь в 5 случаях при конкретных существительных всех трех родов в форме ед.ч. и только в t-форме: *ven'atsa^at*, *dev'ojŕ^{cu}tu*, *r'ekutu*, *kotl'eto*, *jajts'eto*. Все употребления артиклевых форм не дейктические, но сугубо референтные, это:

1) повторное упоминание референта в контексте

ven'atsa^at (i *izv'ijemo ven'a^ats* i *dones'emo k'utŕ^{kj}i* i *p'osle t'uj om'esimo l'eba^ats ov'oltŕ^{kj}i*, *p'a na sr'ed 'ima d'upka*. i *preml'azujemo 'ovtse t'uj na t'aj l'eba^ats*. a *ven'atsa^at t'urimo*, *koj'a se p'rvna ovts'a ojagn'ila*, *on'i*, *m'i t'urimo ven'ats na j'u*);

dev'ojŕ^{cu}tu (*k'oj 'otŕ^e*, *'on jedan d'an pr'ai ko dev'ojku*, a *dr'ugji dan kod m'omka*. *pa p'osle se pov'rŕ^{fu} ko dev'ojŕ^{cu}tu*, *pa tri d'ana sv'adba*);

jajts'eto (*k'ao s'utra dz'urdzovdaⁿ*, a *s'at 'idemo u ven'a^ats*. ...*pones'emo jajts'e*, *pones'emo sol'a^ak*... u *kotl'eto mlz'emo 'ovtse*... *jajts'eto t'urimo p'odi kotl'e i sol'a^ak m'alko*);

2) референция к объекту, восстанавливаемому из контекста *kotl'eto* (i *preml'azujemo 'ovtse* ... u *kotl'eto mlz'emo 'ovtse*);

3) референция к общеизвестному единичному объекту *r'ekutu* (*d'ole imamo po r'ekutu j'ivu*).

Артиклевая морфема отмечена при наречии места *kud'eto*. Ср. неясное употребление *gd'e vo 'ima sok'afsi*.

Диалектными являются вопросительные местоимения — одушевленное *k'uj* / *k'oj*, неодушевленное *kv'o* (2; на фоне *st'o*, встреченного в устойчивом выражении *st'o da n'e*, и отри-

цательного *n'ifta*) и *kə^akv'o* (в *kə^akv'o b'ilo* 'что бы то ни было'), качественное *tə^akv'oj*, количественное *ov'olŭč^{ki}i*.

«Базовый» говор отличают краткие формы личных местоимений

1 л. мн. ч., аккузатив *ni: tə^ak'o ni pros'ili*;

1 л. мн. ч., датив *ni* (3): *bil'o ni sramot'a*; *t'o ni s'elo takv'o bil'o*; *t'uj ov'am ni st'alo*; *t'amo ni su bil'e g'rsnitse*;

3 л. ед. ч. ж. р., аккузатив *ju* (4): *dov'el ju k'utci* (ср. *pa^a je izvl'atfimo*);

3 л. мн.ч., аккузатив: *m'i si i poras'emo* (диалектна и полная форма *ji*).

Диалектной является дативная форма возвратного местоимения *si* (*i ja t'fuvam za m'en si s'irene, t'i t'fuvaz za t'er s'irene*).

Таковы же формы указательных местоимений:

м. р. *ov'ə^aj komf'ija, ov'ija pr'ozori* (при *on'aj k'rs, 'onaj fik'er'ək, 'onaj z'avoj*);

ж. р. *ov'aj mal'a, ov'uj k'utcu; t'aj okol'ina; on'uj d'up'fistsu* (при *on'a met'alŭca, on'e fufen'itse*);

ср. р. *on'oj dz'ubre, on'oj drv'fse* (при *on'o s'eme, on'o sel'o*).

Говор характеризует притяжательное местоимение *ji'ojni* (*nes'u ju ji'ojni dav'ali*).

Диалектным является употребление краткой формы датива личных местоимений в притяжательной функции: *i k'ad se if'ufi, st'ara^{ts} mi'uzne isetfe...*

Удвоение объекта, выраженного личным местоимением, говору не свойственно: *ji'ega ispr'ate; ja dad'em jim t'far'are*.

Для говора характерны аналитические формы компаратива имен прилагательных и наречий *p'ostar*, наречий *p'omalko, p'ona'am* (2), в отличие от синтетической *ran'ije*.

Диалектными являются собирательные числительные для лиц мужского пола, из которых первое — приблизительное: *pefest'ina, deset'ina*.

Признак говора — формы презенса глагола 'быть' при отрицании: 1 л. ед. ч. *nes'am* (2), 3 л. ед. ч. *n'e / n'ee / n'eye*, 1 л. мн. ч. *nes'm'o*, 3 л. мн. ч. *nes'u* (3), а также формы глагола 'хотеть; любить': 2 л. ед. ч. *'otfes*, 3 л. ед. ч. *'otfe* (*k'oj 'otfe, 'on...*), 1 л. мн. ч. *'otfemo se*, 3 л. мн. ч. *'otfe* (*d'ojdu koj'i 'otfe*), 1 л. мн. ч. отриц. *n'etfemo*, перфект *otej'ala sam, otej'ala, otej'ali smo se*.

Морфонологические характеристики ряда глагольных форм — *dood'ila, zb'ira, zb'eremo* и *səb'eremo; p'uftim; zn'aeŭ* (2; при *zn'af* (5)); *nak'its'ofim se; p'ituje, premenuv'ala sa'm se, zbiruv'ali smo; setfu, lez'u, opk'alu, uz'imu, zam'etu* — признак говора.

В сфере морфосинтаксиса глагола диалектными являются: возвратные формы реципрока (напр. *zov'emo se* 'приглашаем друг друга');

дательными-возвратными формами глагола с частицей *si* (23): *s'æk si me bol'i*; *'ovtse fjuv'ali smo si*; *m'i smo si k'utč^{kj}i fjuv'ali*; *m'i si i popas'emo*; *otej'ali si*; *'ali si on'a otej'ala, nes'u ju vlatf'ili*; *ziv'ela sã^am si d'obro*; *da si k'upim vist'an, da si k'upim od'elo*; *p'ojdu si dev'ojka i m'omã^ak i svek'ŕva*; *p'ã si 'idu t'am, tã si r'uŕfu k'od...*; *tr'ak si sed'i na j'edno m'esto*; *a k'uj si je st'alãⁿ ovf'ar*; *m'i si zov'emo 'iza*; *i s'æk si t'uramo*; *i s'æk si n'osi vod'itsu*; в т. ч. с опущением бытийного глагола: *i j'utrom k'oren si t'uj*; *a s'amo si tã^ak'oj muza^vet*; *ov'akvo si sel'o*;

формами футура 1 л. ед. ч. *fju*: *gd'e fju da n'ajdem*; 3 л. ед.ч. *m'eŕka fje nã^af'ãska da d'ojde t'uj*; 1 л. мн.ч. *k'at fje da ga k'olemo*.

В отличие от других локальных идиомов тимокского говора, при вспомогательном глаголе (частице) футура и при модальных глаголах не зафиксировано опущения частицы конъюнктива (союза) *da*: *gd'e fju da n'ajdem*; *ne m'og da te rast'eram da ti o^upr'itfam*; *ne m'ogu dã 'idem*; *da m'og da 'odim*; *m'oz da k'azef*; *ne m'oz da bor'avite*; *j'a v'olim da d'ojdef t'i na r'uŕjak*.

Диалектным является предлог *p'odi ~ pod'i* (*jajf's'eto t'urimo p'odi kotl'e*; *pod'i ast'al*); ср. с *pr'e n'ekⁱi d'ãⁿ*; *pr'e dŕ'urdŕovdãⁿ*.

Говор характеризует очень редкая указательная частица *et'e* (*pra'ili s'irene. et'e ka^k'o smo prav'ili*) при гораздо более частотных нейтральных *'eto* (12) и *'evo* (4). Диалектными являются частицы *be* (1; при *br'e*) и *p'ã* (2; *p'a* (7)).

В области словообразования к списку диалектных членов различий следует отнести суффиксы имен существительных, в подавляющем большинстве случаев деминутивные:

-en-: *s'irene* 'сыр';

-ak / -æk: *tã^avŕã^an'ak*; *fikⁱer'æk*; *sol'ã^ak*;

-e: *kotl'e*;

-entse: *det'entse*; *p'iletse*;

-its-: *ovf'itse*, *trav'itse*, *vod'itsu* (об освященной воде);

-itf: *ventf'itf*;

-itfk-: *vod'itfku*, *glav'itfku*, *fjen'itfku*;

-tfe: *k'onfje*;

-tjentse: *tseed'iltjentse*,

а также деминутивные суффиксы прилагательных

-itfk-: *strafn'itfka kŕ'iga* (из фольклорного текста);

-ãtfk- и -ãtsk-: *m'ãnãtŕko* и *m'ãnãtsko*.

Не имеют диалектного статуса суффикс имен существительных *-a^ots* (*l'eba^ots*), а также безударный *-its-* (*d'urpjtitsu*; *k'ujnitsa*; *kr'avitsa^o*) и нек. др.

Признак говора — форманты в наречиях *m'alko*, *dr'uk/e*, *tə^ak'oj* (11) и *tək'oj* (3), *kud'e*, *ovd'ek* (2), *ovd'eka*, *ovd'ekaj*, *j'oste*.

Тимокских членов морфологических различий — 194, инодиалектных — 20.

Синтаксис

В говоре частотны диалектные бытийные предложения с опущением формы 3 л. ед. ч. глагола «быть» (19): *j'a sramot'a me da st'anem uz momk'a*; *n'ego sram'ota me*, *sram'ota me*; *a et' rva b'a^of prist'adena*. *on'a iz ofl'ane*, *a m'oj d'ever od'ovde iz m'oju k'ut'u*; *pə tri d'a^ana sv'adba*; *t'o zn'af kə^ak'o?*; *'i, təg'aj*, *'ovaj*, *i s'ireje k'olko 'otf'ej*; *pə i ko ner'ajena...*; *j'utrom k'oren si t'uj*; *t'o n'ova g'odina*; *zn'aef*, *kə^ak'o t'oj na d'z'urdzovdə^an?* *k'ao s'utra d'z'urdzovda^an...*; *t'uj ov'am ni jt'alo*; *ov'akvo si sel'o*; *i on'o lub'ava*; *t'oj d'ole v'itkovat's*; *pə 'eto tə^ak'oj sel'at'f'ci*. Ср. *pa t'o je ov'ako*; *k'ad je met'al'tca...*; *a k'uj si je st'alə^an ov't'ar...*

Диалектными являются формы перфекта 3 л. без вспомогательного глагола:

ед. ч. (22) *tə^ak'o bil'o ran'ije*; *'ali si on'a otej'ala*; *'on prit'fek'al i dov'el ju k'ut'ci*; *tə^ak'o bil'o* (5); *t'oj tə^ak'oj bil'o*; *t'uj tə^ak'o b'ilo*; *kuj m'ogə^al*; *t'uj bil'a sed'ent'ckja*; *i t'uj bil'o igr'anka*, *s'ine*, *pa ml'ogo bil'o dobr'o*; *b'əf m'oja m'ati popev'ala na boz'it'f "kol'edo"* (2); *im'alo m'et'fkjin d'a^an*. *i moj'a m'ati t'o j'oste rabot'ila*; *dood'ila m'et'fka səs r'ozi ogul'ila d'uvar*; *t'o ni s'elo takv'o bil'o*;

мн. ч. (11) *ta pron'asli t'am*; *pə isput's'ale mi v'ene unutr'ajne*; *i tə^ak'o ni pros'ili*; *otej'ali si*, *tək'oj se dogovor'ili*; *bil'i p' rvo ogledz'ane*. *svir'at'fi d'ofli neg'ovi*; *don'eli p'et'feno pr'ase*; *'ali pr'ozori bil'i sp'ola t'am*; *i d'ofli*; *i on'i sv'e t'oj slim'ili*. Ср. *t'amo ni su bil'e g'rsnit'se*.

Субъектные бытийные предложения на основе глагола «иметь», в т. ч. возвратного: *j'ok*, *n'eta m'et'fka*; *t'amo se 'imalo kaf'ana* — характеристика говора. Таково же отсутствие согласования между субъектом и предикатом в ср. р.: *lada^ov'ina t'uj t'ureno* *na on'aj k'rs ot k'amen*; *i t'uj bil'o igr'anka*.

Нейтральны назывные предложения: *sirot'f'e od 'osam g'odine*; *i r'ut'fjak i igr'anka*.

Диалектным является определительный союз *st'o* (*a t'rlit'sa im'alo st'o se t'ru g'rsnit'se*) и причинный *j'el* (2; *da ti o^upr'it'fam, j'el*

v'idim da se inter'esujez^f za od'avna^fno; pə^a je izvl'at^fimo j'el n'a-ruf^{ce} 'ima də^ar'ak).

Диалектны вопросительные конструкции с отрицанием (*n'e l t'olko?*) и с опущением вопросительной частицы (*esi b'il u v'itkovat^s?*).

Тимокских членов синтаксических различий — 61, инодиалектных — 0.

Лексика

Диалектными являются следующие лексемы, представленные в тексте в разных своих словоформах (всего 85):

ast'al, bast'u, bis'azi, də^ar'ak, d'upka 'дыра',⁵ d'ubar, grad'ina и gr'adinu, gr'snit^{se}, gr'snit^f i^ft^{se}, 'iza, jaj^s'e, k'oren 'початок кукурузы', k'ore^{re}, k'rs 'отдельно стоящий крест как место совершения обрядов', maz'a³k, m'e^fka, m'e^fk'in d'ə^an, ml'adenevesta и ml'ada n'evesta, ogled^z'ane, o^ur'o^si, paskurn'ik, post'av, pov'ate, sob'or, sol'ə^ak, sram'ota, st'ara³'s 'муж', tr'epka, tr'ak, tr'lit^{sa}, t^futa³ra, t^{ce}rem'ida, do v'adu do r'eku, val'avit^{su}, v'enik 'навес (с черепицей) над крестом k'rs', fufen'it^{se}, zav'etina³;

golem'e, kip'elu v'odu, kup'ə^at^fko, og'ulen, prist'adena;

b'aje, d'uma, d'umamo, p'ile da se izved'e, krut'u ga nag'ore, 'on met'e tr'ak 'перемещать', 'odim, 'ornemo, otej'ali smo se, popev'ala, preml'azujemo, sə^ab'eru se, tr'ak si sed'i na j'edno m'esto, sv'ari, is'uka ga ml'ada n'evesta, j'a te ub'i 'утомить', ta³ se uv'ala, vlat^fili 'украсть (о невесте)', vr'eve, zam'etu, zar'inemo;

d'om, ovd'eka и ovd'ek (ср. ovd'e), tud'eka и t'uj (ср. t'u), on'am, tam (ср. t'amo), ot'ud, od'avna и d'avna, j'utrom, də^an'aska, nə^at^faska, təg'aj (2) и t'eg, s'ega (ср. вопросит. kad'a), dr'uk^{se}, j'o^{ste}, m'alko.

Сюда же следует отнести также турцизмы (5): ad'et, du^fan, mal'a, muza³v'et (искаж. muhabet), j'ok; фразеологизмы b'eli sv'et 'все на свете' (zak'olu b'eli sv'et 'режут (на свадьбу) очень большое количество скота'), kv'o t^fu 'что поделаешь', 'edno dr'ugo 'то да се'; этикетное обращение к младшему собеседнику s'ine.

Признаками говора являются названия стран t'ursko, arna^utsko, микропонимы lub'ava; govedar'it^{sa}, fl'aur,

⁵ В силу ограниченности объема настоящей публикации диалектные лексемы не снабжаются переводом или толкованием за исключением ряда семантических диалектизмов, имеющих омонимы в стандартном языке.

sm'iloviŝa, включая сюда и названия махал, т. е. кварталов села ŧjumb'urŝi; k'utŝintŝi; kokoŝartŝi; m'ala r'eka.

Инодиалектный, в т. ч. стандартный пласт представлен лексемами: ŧe'erka, ŝn'ajderka, konop'liŝte, l'era, v'eliku, v'ole, gov'orim, pr'itŝam, pr'itŝamo, n'arole, k'ut'u, k'utŝi и k'utŝ^{kj}i (3; vs. d'om (2) (dones'emo d'om)), ka'o, s'ad (4) и s'ada (1); ср. (Dinić 2008).

Тимокских членов лексических различий — 104, инодиалектных — 21.

Показатель диалектной когерентности текста

В статье в экспериментальных целях намеренно игнорируется целый ряд значимых разграничений, из которых важнейшими являются противопоставление высокочастотных и низкочастотных форм, полных и служебных слов, а также полностью разделяемое автором структуралистское представление о том, что наличие категории (и единиц категории) занимает более высокий ранг в иерархии различительных признаков, нежели различия в правилах дистрибуции и лексикализованные явления. Всего в тексте в 2294 словоформы выявлено 728 реализаций диалектных признаков, избранных для анализа в качестве собственных «базовому» сербскому тимокскому говору и условно имеющих равный «вес»; тогда как избранных инодиалектных, в абсолютном большинстве стандартных — 164⁶. Вероятность встретить один «тимокский» признак приходится на 3,15 словоформы, тогда как на одной словоформе реализуется 0,32 признака⁷. Один инодиалектный признак приходится на 14 словоформ, на одну словоформу — 0,07 признака. Распределение признаков по уровням языковой структуры неравномерно: ударение — 194/72, фонетика и фонология — 177/52, морфология, морфонология и морфосинтаксис — 194/20, синтаксис — 61/0, лексика — 104/21. Эта неравномерность наиболее очевидна на синтаксическом уровне, исследованном в сербской диалектологии пока еще совершенно недостаточно. Но как бы то ни было, данное распределение указывает на то, что сербский

⁶ Итого релевантными для обобщения были признаны 892 дифференцирующих диалекты признака; с учетом нейтральных признаков общее число единиц анализа намного превышает одну тысячу.

⁷ Следует обратить внимание на словоформы, на которых реализуется максимальное количество диалектных признаков, например *ogledŝ'ape, da^an'aska, na^aŝ'aska, ven'atŝa^at, dev'oŝŝutu, jajŝ'eto* и др.

стандартный язык сильно влияет на тимокский говор на супрасегментном и фонетическом уровне, средне — в лексике, слабо — в морфологии и не влияет вообще — в синтаксисе.

Заключение

Можно заключить, что признаки традиционного, «базового» тимокского говора в устной речи информантки реализуются системно, достаточно полно, последовательно и пропорционально на всех языковых уровнях, что было эксплицитно продемонстрировано в тексте статьи и получило свое количественное выражение. Для признания текста диалектным эти признаки представлены в необходимой и достаточной степени. Более того, вероятно, что полученные значения диалектной когерентности *близки к максимально возможным* для текста на «базовом» сербском тимокском говоре, записанном на исходе XX в. и в начале XXI в. Это предположение можно будет проверить путем сравнения достаточных по объему научных транскрипций речи на всех формах бытования сербского языка в регионе, расположив их на шкале диалектной когерентности и определив соответствующие «стандарты», или показатели эталонности.

Образец говора

đž'urdžovdǎn

zn'aeǰ, kǎ'k'ó t'oj na đž'urdžovdǎn? kad b'ude j'utrom, n'e baǰ na đž'urdžovdǎn, 'ali k'ao s'utra đž'urdžovdǎn, a s'at 'idemo u ven'a^ǎts. pr'aimo ven'a^ǎts o ts'v'e^{ki} do r'eku. 'idemo i napr'aimo ven'f'itǰ, pones'emo jajts'e, pones'emo sol'a^k, pa t'urimo u j'edno tsed'il'fjentse p'a do v'adu do r'eku. i izv'ijemo ven'a^ǎts i dones'emo k'uf^{ki} i p'osle t'uj om'esimo l'eba^ǎts ov'ol'f^{ki}, p'a na sr'ed 'ima d'upka. i preml'azujemo 'ovtse t'uj na t'aj l'ebaf^s. a ven'a^ǎts^{at} t'urimo, koj'a se p'rvna ovt's'a ojagn'ila, on'i, m'i t'urimo ven'a^ǎts na n'u. i tǎg'aj... u kotl'eto mlz'emo 'ovtse, izmlz'emo 'ovtse sv'e. ...jajts'eto t'urimo p'odi kotl'e i sol'a^k m'alko. i p'osle zar'inemo on'uj d'upf'itsu i tǎ'k'ó. a t'ó ml'eko 'uznemo i pots'irimo. i uv'atimo za đž'urdžovdǎn, zak'olemo ml'ado j'agne i opetǰemo na r'z'aⁿ. 'idemo na gr'obje, pr'aimo r'ufjak, 'imamo g'osti, d'ojdu koj'i 'otǰe, zov'emo se. j'a v'olim da d'ojdef t'i na r'ufjak, 'eli j'a da d'ojdem ko t'ebe, tǎ'k'ó. p'op pa n'osi vod'itsu pr'e nek'i d'aⁿ, dv'a tri d'aⁿ pr'e đž'urdžovdǎn 'on n'osi v'odu. a i s'ak si n'osi vod'itsu. ...k'at tǰe da ga k'olemo, m'i up'alimo sv'e^fcu i podrz'imo ov'ag do glav'itǰku i prek'adimo sǎs tǎ'vnaⁿak sǎs [...] i tǎg'aj zak'olemo. 'eto.

m'etʃkʲin dʲaːn

m'etʃkʲin dʲaːn kad'a e. im'alo m'etʃkʲin dʲaːn. i moj'a m'ati t'o j'oste rabot'ila. k'ao s'utra m'etʃkʲin dʲaːn. on'a dʲaːn'aska sv'ari k'oreje i v'otʃtʃe. pa kad b'ude kn'otʃi, on'a t'uri na pr'ozor k'oren. 'ali pr'ozori bil'i sp'ola t'am, n'e k'ao ov'ija, n'ego t'am sp'ola. 'a i on'a t'uri t'uj k'oren i d'uma: "m'etʃka tʃe nʲaːtʃ'aska da d'ojde t'uj da pojed'e k'oren". i j'utrom k'oren si t'uj, n'e ga m'etʃka odn'ela, 'ali l'azu d'efs'u. j'ok, n'ema m'etʃka, a s'amo si tʲaːk'oj muzaːv'et. "evo d'ubar sv'e og'ulen, dood'ila m'etʃka s'as r'ozi ogul'ila d'ubar". a on'o, da l'i je 'istina, l'ʲaːze d'efs'u, zn'ajeʒ d'efs'a kʲaːk'o su.

Bibliography

- Avanesov, R. I. Orlova V. A. 1965: *Russkaya dialektologiya* [Russian dialectology]. 2 Ed. M.: Nauka.
- Belić, A. 1905: *Dialekti Istočne i Južne Srbije* [Dialects of Eastern and Southern Serbia]. In *Srpski dijalektološki zbornik*. I. Beograd: Srpska akademija nauka.
- Ćirković, S. (Ed.) 2018: *Timok. Folkloristička i lingvistička terenska istraživanja*. 2015–2017. [Timok area. Field Research in Folklore and Linguistics]. Knjaževac: Narodna biblioteka.
- Dinić, J. 2008: *Timočki dijalekatski rečnik* [Dictionary of the Timok dialect]. Beograd: Institut za srpski jezik SANU.
- Konior, D. V. Makarova A. L. Sobolev A. N. 2019: *Statističeskii metod yazykovogo profilirovaniya nositelja dialekta (na materiale vostoč-noserbskogo idioma sela Berčinovac)* [Linguistic/Dialectal Profiling of Dialect Speakers: The Method Presented on the Idiolect from Berčinovac, Eastern Serbia]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. Filologiya. 58, 17–33.
- Sobolev 1998: Sobolev, Andrej N. *Sprachatlas Ostserbiens und Westbulgariens*. Bd. I. Problemstellung, Materialien und Kommentare, Kartenanalyse. Bd. II. Karten. Bd. III. Texte. Marburg: Biblion Verlag.
- Sobolev 2014: Sobolev, Andrej N. *Theoriebildung in der Dialektologie: historisch-vergleichende Beschreibung*. In Karl Gutschmidt, Sebastian Kempgen, Tilman Berger, and Peter Kosta (eds.). *The Slavic Languages. An International Handbook of their Structure, their History and their Investigation*. Vol. 2. Berlin: Mouton de Gruyter, 2014, 2067–2074.
- Stanojević, M. 1911: *Severno-timočki dijalekat (Prilog dijalektologiji istočne Srbije)* [The Dialect of northern Timok Area (A Contribution to the dialectology of Eastern Serbia)] In *Srpski dijalektološki zbornik*. II. Beograd: Srpska akademija nauka, 360–463.
- Szmrecsanyi, B. Anderwald L. 2018: *Corpus-based approaches to dialect study*. In Charles Boberg, John Nerbonne, and Dominic Watt (eds.). *The Handbook of Dialectology*. Malden, MA: Wiley-Blackwell, 300–313.